

Ци Мо прикинул своё финансовое положение. Писательство приносило доход, научный руководитель ежемесячно платил зарплату — её хватало на аренду. Дети получали от немецкого государства детское пособие — как раз покрывало расходы на детский сад. Еда здесь была недорогой, плюс имелись сбережения. Дотянуть до выпуска, наверное, получится. Если бы ещё получить заказ на сценарий — вообще идеально.

Отдохнув несколько дней, он получил сообщение от Сестрицы Сяомэй. Не заказ на сценарий, а вопрос: умеет ли он писать песни? Ци Мо и правда когда-то писал — и музыку сочинял, и слова. В юности, под влиянием Цинь Фэня, выучился играть на пианино и скрипке, а влюбившись в него, тайком посвящал ему песни.

Узнав, что Ци Мо писал песни, Сестрица Сяомэй обрадовалась:

— Отлично! Сяо Цзян говорит, режиссёру Чжао не нравятся предложенные заглавные песни и саундтрек — не сочетаются, мол, с сюжетом. Я и подумала: раз ты и автор оригинала, и сценарист, то лучше всех знаешь, какая музыка к каким сценам подойдёт.

Ци Мо помолчал, обдумывая, и наконец сказал:

— Я подумаю.

Сестрица Сяомэй предложила ему подумать и, если захочет, связаться с режиссёром Чжао — узнать, какие у того требования к песням и музыке.

Ци Мо также написал Ижань, сообщив, что вернулся в университет. Та ответила лишь через три дня: сначала выразила сожаление, что не встретились перед его отъездом из Имперской столицы, потом объяснила, что все эти дни болела и лежала в больнице, поэтому не могла ответить вовремя, попросила не сердиться, и наконец спросила, когда же он допишет своего «деспотичного, коварного и холодного генерального директора».

Ци Мо подумал, что здоровье у Ижань и правда неважное. Помнится, раньше она не могла подолгу разговаривать — сразу бледнела, губы синели.

Стояла прекрасная погода. Ци Мо повёл детей играть в задний двор. Когда он снимал этот дом, в саду уже стояли горка, батут и качели — хозяин сказал, что установил их, когда его дети были маленькими. Вещи немного пообтёрлись, но качество было отменным. Качели — из толстых железных цепей и старой покрышки — очень крепкие. Горка деревянная, только собственно скат из нержавеющей стали, дети так накатали, что блестит.

Дом был двухквартирным коттеджем. Пока Ци Мо и Джоди отсутствовали, соседи присматривали за садом. Увидев, что те сидят в саду за кофе, Ци Мо взял привезённые из Китая сувениры и пошёл благодарить.

Соседи — пожилая пара на пенсии. Сад у них ухоженный, сын живёт в Англии, в Мюнхен наезжает редко. Отношения с ними у Ци Мо были ровные, без близости. Старики любили

тишину и терпеть не могли, когда их беспокоили. Когда Юцзы и Манго только родились и иногда плакали, старик несколько раз стучал в дверь с просьбой «сделать потише». Ци Мо только разводил руками — дети ведь не по заказу молчат. Пришлось поменяться комнатами с Виолеттой, перебравшись в ту часть дома, что подальше от соседей. Джоди и Виолетта тоже никогда не устраивали дома вечеринок — опасались стариков. Тех раздражали не только иностранцы — если немецкие подростки громко проходили мимо их сада, они тоже возмущались и даже заявляли полицейским: «Мы столько налогов платим, а вы, как полиция, не обеспечиваете нам безопасность? Эти молодые люди доведут мою жену до сердечного приступа!»

Старик принял от Ци Мо подарок, поблагодарил. Старушка принесла домашнего печенья — детям, мол. Поболтав немного, Ци Мо откланялся.

15 сентября в детском саду кончились летние каникулы — детей снова можно было отводить. С этого момента у Ци Мо стало больше свободного времени. Он решил попробовать писать песни — если получится, это и новый навык, и дополнительный доход. Ци Мо связался с режиссёром Чжао. Тот отнёсся к идее с энтузиазмом — кто, как не автор оригинала и сценарист, лучше знает сюжет? Если у того действительно есть талант — вообще замечательно.

На университетском форуме Ци Мо купил за 300 евро подержанное электронное пианино, почти новое. У электронного можно регулировать громкость и подключать наушники — для живущего рядом с любителем тишины Ци Мо это было идеально. Потом он скачал программу для аранжировки и принялся за работу.

17-го вернулась Виолетта, 26-го — Джоди. Университет начинался. Мать Джоди всё ещё держалась в больнице, но той пришлось вернуться — последний год бакалавриата, успеваемость и так не блещет. Если запустит учёбу — все прежние страдания окажутся напрасными.

С началом семестра стало ещё больше дел. Ци Мо вставал в семь, умывался, принимал душ, готовил детям завтрак и перекус в сад. С перекусом была главная мука: сад выдвигал кучу требований — ничего сладкого, никаких тостов (вредно для зубов), полезный чёрный хлеб слишком твёрдый, Юцзы с Манго его не ели. Оставались фрукты да йогурт, причём фрукты надо было резать дольками или кубиками, йогурт — только натуральный, без добавок, и каждый день меню должно было быть разным. Ци Мо пришлось составить расписание перекусов и готовить по нему.

Дети одевались сами, только медленно, и торопить их было нельзя — особенно Юцзы, тот ещё и глазами сверлил. Когда они умывались, чистили зубы и завтракали, надо было быстро собираться — к восьми уже быть в саду. Опаздывать было не принято, сотрудники сада этого не любили.

Отведя детей, Ци Мо возвращался домой и убирался. Кухня и гостиная на первом этаже были общими, поэтому их надо было содержать в чистоте, чтобы не вызывать недовольства соседей. Раньше Ци Мо жил на втором этаже, но когда съехали жильцы с мансарды, он перебрался туда с детьми. Мансарда была просторной, с отдельной кухней и ванной — не мешаешь соседям

снизу. Да и спальня большая. Ци Мо разделил её большим книжным шкафом пополам: с одной стороны — двухъярусная детская кровать, с другой — его собственная кровать, диван, обеденный стол, письменный стол и электронное пианино. Вещей было много, но расставлены они были так, что тесноты не чувствовалось. Правда, и аренда мансарды была дороже, чем комнаты внизу.

Прибравшись, Ци Мо шёл в лабораторию. Основные курсы были пройдены, оставалась только диссертация, плюс он помогал научному руководителю — иначе тот и зарплату платить не стал бы.

После обеда надо было успеть забрать детей из сада до пяти, потом — магазин, ужин, проследить, чтобы почистили зубы, помылись. Когда дети засыпали, наступало время Ци Мо. Обычно он писал песни, делал аранжировки или работал над текстами. При такой загруженности не было ни времени, ни сил думать о неприятностях. А если мысли и лезли в голову, Ци Мо старался успокоить себя: «Ничего страшного, просто будто собака укусила. И если бы не эти собаки, не было бы у меня таких замечательных детей, как Юцзы и Манго».

Если Ци Мо нужно было уехать по делам, Джоди, Виолетта или Каспер помогали отводить и забирать детей.

Погода холодала быстро. На улице, где снимал Ци Мо, росло много клёнов и гинкго. Ветер сбивал листву — красную, жёлтую — толстым слоем на землю. Ци Мо любил это зрелище и часто собирал листья на закладки.

На три песни и два саундтрека у Ци Мо ушёл месяц. Гением он не был, многое брал из тех песен, что когда-то писал для Цинь Фэня. Сдав работы, он немного расслабился и стал водить детей в парк собирать конские каштаны.

Конские каштаны похожи на съедобные, только крупнее и красивее, но есть их нельзя — горькие. Говорят, животные едят, некоторые дети даже собирают и несут в зоопарк. Когда Ци Мо только приехал в Германию, он не знал разницы и, видя, что каштаны валяются, а никто не собирает, думал: «Немцы дураки». Позже понял, что дурак был он сам: тогда набрал полный рюкзак, хотел с курицей потушить, а попробовал — горько до невозможности.

<http://bllate.org/book/15113/1334964>